

Галина Кремшевская

Маринский театр — 1935. — л 8-9. — с. 3

18 августа скончалась Галина Дмитриевна Кремшевская, уйдя из жизни тихо и незаметно, как и жила последние годы, прикованная болезнью к постели. Балетный мир стал беднее. Даже за скупыми строками балетной энциклопедии можно увидеть цельность натуры, незаурядность судьбы.

Кремшевская родилась в 1913 году в Петербурге, в 31-м окончила балетное училище в классе Вагановой, работала в Ленинградском Малом театре (1931-34), Театре имени Палиашвили в Тбилиси (1934-35), Оперной студии ленинградской Консерватории (1935-37), Театре имени Кирова (1937-53). Параллельно с работой училась: педагогические курсы, созданные при училище Вагановой (1938), театроведческий факультет ГИТИС (1954). С 50-х годов систематически выступает как балетный критик. Добавим — до конца 80-х. Судьба предписала Кремшевской стать свидетельницей и непосредственной участницей едва ли не всех событий, что составляют явление национальной культуры, именуемое «Ленинградский балет».

Пройдя высшую школу вагановского академизма, она начала артистический путь в экспериментальной труппе Малого театра, работала с Лопуховым. В бывший Маринский, ставший уже Кировским, вернулась окружной дорогой, длиной в шесть лет и заняла там место артистки кордебалета, ничуть не тяготясь им. Сolidный профессиональный опыт помог острее осознать происходившее на первой балетной сцене страны, а взгляд «со стороны» — вникнуть в особенности мастерства выдающихся коллег и сверстников. Зато свою вторую жизнь — балетовед, критика смогла начать по-крупному, с балетной монографии. За книгой о Вечесловой (1951), пусть небольшой и скромно изданной, но по сей день единственной, в 1964-м последовала книга о Дудинской (также единственная), — дань восхищения талантом двух дорогих людей, близких друзей. Итогом стала книга о Вагановой (1981) — долг благодарной памяти Учителю.

А промежутки между крупными статьями заполнила работа критика. В течении двадцати лет (1965-85) статьи Кремшевской почти зеркально отражали события ленинградской балетной сцены (и, разумеется, других!) — большие и малые. Балетмейстерские дебюты Виноградова, Долгушина, Алексидзе, Маркарянца, новые работы Якобсона, Бельского, Григоровича, Боярчикова, Касаткиной и Василева, первые опыты выпускников и даже студентов консерватории — Рассадина, Полубенцева, Лебедева, Волковой, Федянина запечатлены живым, образным словом критика, оценены взыскательным, но непременно доброжелательным взглядом профессионала.

Кремшевская писала о том, что доставляло ей радость, где виделись если не фейерверки, то проблески подлинного таланта. Она умела их различать, не закрывая глаз и на авторские промахи. Но больше всего она любила в балете Актера. Когда таланту сопутствовало умное мастерство, когда сквозь роль проступала личность артиста-творца, Кремшевская становилась поэтом, хотя писала, естественно, прозой. Табель о рангах при том значения не имела. В галерее превосходных литературных портретов, принадлежащих перу Кремшевской, выдающиеся мастера — классики — Шавров, Гусев, Вечеслова, Зубковский, Зубковская, Макаров, Колпакова и молодые таланты — Барышников, Ганибалова,

Муханова, Ченчикова. Танцовщики-актеры, раздвинувшие границы характерного и гротескового амплуа, — Гридин, Лившиц и создатели одной, ставшей театральным событием роли — Исаева (Королева), Куks (Бесноватая), Колпакова (Сильфида). А сколько портретов-миниатюр разбросано в книгах, рецензиях на премьеры! Им несть числа.

Одаренные, творчески беспокойные находили в Кремшевской иску-

шенного ценителя и благодарного зрителя. Но в труппе знали ее и другой — насмешливой, колкой, задиристой. Острый ум, режущий бритвой язык сделали молодую Кремшевскую душой знаменитых балетных капустников. Сатирический пыл находил выход в шуточных стихах и поэмах (неизменным соавтором выступала Татьяна Вечеслова), помогавших выстоять в годы войны, скрасить суровый эвакуационный быт.

Кремшевская притягивала и озадачивала неординарностью. Серьезность, страсть к чтению не исключали озорства и легкомыслия, одержимость балетом — многообразия увлечений. Не потому ли звонко звучали голоса на шестом этаже «Дома Толстого», что на Фонтанке. Уютный оазис в закоулках классической коммуналки облюбовала балетная братия. Бывали годы, когда сюда спешили «на огонек» Ахматова и Бергольцы.

Галина Дмитриевна не слыла записной балетной красавицей, но безупречный абрис фигуры, дерзко вздернутый нос, бездонные, как два зеленых омута, глаза повергали в трепет мужские сердца. В длинном списке поклонников числились Соллертинский, Мравинский, Трауберг! Но спутник жизни был избран раз и навсегда — единственный, никем не заменимый.

62 года длился счастливый союз с Михаилом Сергеевичем Георгиевским — коллегой по профессии (хотя на сцене они почти не встречались), человеком прекрасным по-чеховски — и лицом, и душой, и одеждой, и мыслями. Но это сюжет для специального рассказа, а лучше — поэмы. Ее могла бы написать сама Кремшевская, однако главное она сказала — в стихотворении к 10-летию их встречи, написанном в разгар войны, в зимней Перми 1943 года. Стихи эти льются прямо из сердца. В них вечная тайна любви, вечно живой ее голос:

Шел снег. Туманно фонари
Смотрели в этой дымке снежной.
Сказала сердцу: «Не умри!»
И к дому подошла с надеждой.

Подъезд суров и незнаком.
Вошла неверными шагами,
И все, что помню я потом,
На десять лет осталось с нами.

Печален первый юбилей,
Полны тревоги наши взгляды,
И только для любви моей
Уж испытания не надо.

Она цветет, как в первый час,
А может быть, еще сильнее,
И есть прекрасное у нас
И в этом скорбном юбилее.

Ольга РОЗАНОВА

Кремшевская Галина Дмитриевна
85.
1985